

Пуришев Борис Иванович

**Литература эпохи
Возрождения и XVII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Иванович П.**
Литература эпохи Возрождения и XVII века / Пуришев Борис Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 774 с.

ISBN 978-5-519-79861-7

Издание 2-е., дополненное

ISBN 978-5-519-79861-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ста одного из лучших фастихтиппидей Гапса Сакса (в переводе Б. Пастернака), дающего яркое представление об этом жанре, столь характерном для литературы немецкого ренессанса. Спорным может показаться выбор „Горадий“ из трагедий Корнелия. В прежние хрестоматии всегда входил „Сид“. Составитель не намерен, понятию, оспаривать исключительные достоинства „Сиды“, однако полагает, что „Горадий“, относящийся к собственно классическому периоду творчества Корнелия, может дать учащемуся более ясное представление о трагедии раннего французского классицизма (с ее характерным гражданским пафосом, культом долга и пр.), чем „Сид“, не случайно отвергнутый цитаделью классицизма — Французской академией. Не менее спорным может показаться выбор мольеровского фарса „Лекарь поневоле“. Однако нам этот выбор представляется все же вполне закономерным. Во-первых, мы стремились избежать включения в хрестоматию отрывков из пьес великого французского комедиографа, они бы не дали нужного представления о драматургической манере Мольера, во-вторых, „Лекарь поневоле“ безусловно позволяет поставить ряд основных проблем, связанных с творчеством Мольера, и, наконец, включение в хрестоматию пьесы, продолжающей традицию народного фарса, лишней раз подчеркивает „плебейскую“ струю в творчестве Мольера, которую так осуждал Буало и которая в значительной мере определяет особое место Мольера в истории французской литературы эпохи классицизма. Составитель не считал также возможным пройти мимо памятников художественной публицистики XVI в., столь типичной особенно для Германии времени реформации (Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен, „Письма темных людей“). И, наконец, о двух неизбежных недостатках книги. Составителю хрестоматии пришлось жертвовать многим менее первостепенным, ради того чтобы основной материал не оказался ущемленным. Это привело к тому, что литература эпохи Возрождения представлена гораздо шире, чем литература XVII в., за исключением французской и, пожалуй, испанской. И второе. Далеко не все переводы, включенные в хрестоматию, вполне удачны и могут считаться образцовыми. Составитель принужден был пользоваться рядом старых переводов. Иногда это переводы слабые в художественном отношении (например перевод Д. Мина из Т. Тассо), иногда это переводы, не воспроизводящие в нужной мере формальные особенности подлинника. Все же составитель, как правило, всегда стремился к тому, чтобы переводы, включенные в хрестоматию, воспроизводили форму оригинала. Поэтому в хрестоматию не вошли некоторые переводы, пользующиеся у нас значительной известностью, однако не удовлетворяющие указанным требованиям. Так, в раздел испанской литературы не включены переводы С. Юрьева из Лопе де Вега и К. Бальмонта из Кальдерона (С. Юрьев, например, все многообразие метрики и строфики Лопе де Вега заменяет пятистопным белым ямбом). Те же переводы пьес испанских драматургов XVII в., которые включены в хрестоматию, бесспорно могут дать читателю нужное представление об их художественной манере.

Приводимые переводы из Лопе де Вега („Таковы и Валенсые сумасшедшие“) и Кальдерона („Стойкий принц“) печатаются впервые. Да и вообще значительная часть переводов, вошедших в настоящую книгу, публикуется впервые; особенно обилён новыми публикациями раздел европейской поэзии XVI—XVII вв., крайне скудно представленный в старых хрестоматиях. В некоторых случаях, когда это вызывалось настоятельной необходимостью, мы позволяли себе вносить в существующие переводы некоторые исправления.

В заключение составитель считает своим приятным долгом выразить благодарность всем товарищам, предоставившим в наше распоряжение свои переводы, а также издательству „Academia“, разрешившему опубликовать отрывки из переводов „Федры“ Расина и „Потерянного рая“ Мильтона, подготовляемых им в настоящее время к печати.

Б. Пуришев.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ЕГО ИСКУССТВО

определенное естествознание, которое одно лишь достигло всестороннего, систематического научного развития, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но спорадическим и оставшимся по большей части безрезультатными открытиями арабов, современное естествознание, как и вся новейшая история, датирует от той знаменательной эпохи, которую мы, немцы, называем по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью реформацией, французы — ренессансом, а итальянцы — *квинквеченто*, и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований.

Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV столетия. Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество; и в то время как буржуазия и дворянство еще ожесточенно боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне — и этом не было ничего нового, — но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах. В спасенных при гибели Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность: перед (классическими... [...?...] пластическими) светлыми образами ее исчезли призраки средневековья; в Италии достигло неслыханного расцвета искусство, которое явилось точно отблеск классической древности и которое в дальнейшем никогда уже не подымалось до такой высоты. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература; Англия и Испания пережили вскоре затем свою классическую литературную эпоху. Рамки старого *status terrarum* были разбиты: только теперь, собственно, была открыта земля и положены основы для позднейшей мировой

торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, давшуюся в свою очередь исходным пунктом современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII столетия.

Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учестости. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обременены авантюризм характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества (прекрасно и именно не только в теоретической, но также и в практической жизни...); Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе многие идеи, развитые значительно позже Монтанамбером и новейшим немецким учением о крепостях. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания воиным писателем нового времени. Лотер вычистил не только аггрессы компюнии церкви, но и компюнии немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того примитивного чувством победы хора, который стал Марсельезой XVI века. Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто саблем и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей. Кабинетные ученые появились тогда исключительно...

[Энгельс, Диалектика природы, ИМЭЛ, Гиз, 1931, 3-е изд., стр. 108 - 110.]

P 431

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТРЕЧЕНТО (XIV В.)

ПЕТРАРКА

1304 ~ 1374

Франческо Петрарка (Francesco Petrarca, 1304—1374 гг.) — итальянский писатель, глава старшего поколения гуманистов. Родился в Ареццо, в семье нотариуса, известного вместе с Данте в 1302 г. из Флоренции за принадлежность к партии белых гвельфов. Служил правн. в Монпелье и Болонье. В Авиньоне (город на юге Франции, с 1309 г. резиденция пап) вступил после смерти родителей (1326 г.) в духовное звание. В 1330 г. поступил на службу к кардиналу Колонна. В 1332—1333 гг. совершил путешествие во Францию, Фландрию и Германию, во время которого (в Лютихе) открыл некоторые из неизвестных в то время речей Цицерона („De officiis“). В 1337 г. он покинул резиденцию папы и удалился в селение Воклюз (неподалеку от Авиньона), где прожил в тишине и уединении четыре года. Здесь он начал писать латинскую поэму „Африка“ (1338—1342 гг.), воспевавшую деяния римского полководца Сципиона Африканского. Здесь же написал многие из его лучших стихотворений, посвященных Лауре, с кото-

Петрарка (по рисунку конца XIV в.).

Здесь же написал многие из его лучших стихотворений, посвященных Лауре, с кото-

рой он впервые встретился в 1327 г. (Лаура умерла в 1348 г.). В 1341 г. Петрарка по обычаю поэтов древности коронуется лавровым венком на Капитолии в Риме и с этого времени становится признанным главой литературного мира Италии. Его слава выходит далеко за пределы родины. Его имямания домогаются многие итальянские и иностранные государи. Папа дает ему дипломатические поручения и осыпает его милостями. Однако, когда до Петрарки доходит известие о восстании римского народа против власти аристократии и о возведении Кола ди-Риенци в звание народного трибуна (1347 г.), он пишет последнему пламенное послание, в котором приветствует римлян в их борьбе за свободу. К 1343 г. относится его знаменитый трактат, написанный в диалогической форме, „О презрении к миру“ („De contemptu mundi“), раскрывающий внутренний мир Петрарки с его душевным разладом, метанием от нового к старому и его неспособностью заглушить в себе средневекового человека. В начале пятидесятых годов он сближается с Боккаччо, дружественная связь с которым продолжается в последние годы. Последние двадцать лет своей жизни Петрарка проводит в Северной Италии. Живя в Милане, где ему покровительствует Джованни Висконти, он начинает писать трактат „О средствах против всякой фортуны“ („De remediis utriusque fortune“, 1358—1366 гг.), в котором говорит об изменчивости судьбы, о быстротечности всего земного, о небесном благе, но также выявляет и новые ренессансные стороны своего мировоззрения. Помимо упомянутых произведений, перу Петрарки принадлежит еще ряд сочинений на латинском языке.

Величайшим созданием Петрарки явилась, однако, книга лирики на итальянском языке, известная под названием „Il Canzoniere“ — собрание стихотворений: сонетов, канцон и пр., посвященных Лауре. Эта книга создала Петрарке прочную славу одного из величайших лириков европейской литературы. Образ Лауры является также в аллегорической поэме в терциях „Триумфы“, которую Петрарка начал писать в 1336 г.

На русском языке: „Автобиографич. повесть, сонеты“, перевод М. Гершензона и Вяч. Иванова, изд. Саблинских, М., 1915 г. Ряд сонетов перевел Ю. Н. Верховский („Разные стихотворения“, изд. „Скорпион“, М., 1908 г.).

О ПРЕЗРЕНИИ К МИРУ

1343

Книга состоит из трех диалогов. Беседу ведут Франциск (Франческо) Петрарка и блаженный Августин (353—430 гг. н. э., один из наиболее прославленных отцов западной церкви, родоначальник средневековой схоластики, автор знаменитой „Пешаведи“, выдающийся оратор, чье „римское красноречие“ глубоко повлияло на Петрарку).

Франциск.

Что ты пытаешься „глубоко проникать“? Хотя, как мне кажется, я понимаю тебя, но хотел бы, чтобы ты объяснил мне точнее.

Августин.

Вот в чем дело. Общеизвестно и даже слащеизвестно из сонма философов засвидетельствовано, что среди вещей, паводящих страх, перпенство принадлежит смерти, до такой степени, что самый злу слова „смерть“ некому кажется человеку жестоким и отталкивающим; однако недостаточно воспринимать этот звук внешним слухом или мимоулетно вспоминать о самой вещи: лучше изредка, но долгие помнить о ней и пристальным размышлением представлять себе от-

дельные члены умирающего, как уже холодеют конечности, а середина тела еще страдает и обливается предсмертным потом, как судорожно поджимается и опускается живот, как жизненная сила слабеет от близости смерти, и эти глубоко запавшие, гаснущие глаза, взор, полный слез, наморщенный, свинцово-серый лоб, впалые щеки, твердый, заостренный нос, бледные губы, на которых выступает пена, целенеющий и покрытый коркой язык, сухое небо, усталую голову, задыхающуюся грудь, хрилое бормотание и тяжкие вздохи, смрадный запах всего тела и в особенности ужасный вид искаженного лица. Все это будет представиться легко и как бы наглядно во всей совокупности, если человек станет внимательно вдумываться в виденную им картину чьей-нибудь памятной смерти, ибо виденное прочнее запечатлевается в памяти, нежели слышанное. Поэтому в некоторых монашеских орденах, притом наиболее благочестивых, еще и в наше время, праждебное добрым обычаям, не без глубокой мудрости соблюдается правило, чтобы послушествовавшие этому строгому уставу созерцали тела усопших в то время, когда их моют и готовят к погребению, дабы воспоминание о горестном и плачевном зрелище, коего они были очевидцами, служило им вечным предостережением и удерживало страхом их души от всех надежд преходящего мира. Вот что я разумею под словами „глубоко прошикать“, а не так, как вы, случайно, по привычке, произносите слово „смерть“, вроде того как вы про дым в посты повторяете, что ничего нет более достоверного, нежели смерть, и ничего менее достоверного, нежели час смерти, и тому подобное; все это проходит без следа и не укореняется в памяти.

Франциск.

Тем легче соглашаюсь с тобою, что узнаю теперь в твоих словах многое такое, что я часто молча говорю сам себе. Однако напечатлей, если возможно, в моей памяти какой-нибудь знак, который бы отныне предостерегал меня, дабы я не лгал самому себе и не обольщался моими заблуждениями, ибо, сколько я вижу, от стези добродетели отклоняет умы именно то, что люди, признав цель достигнутой, не стремятся дальше.

Августин.

Мне приятно слышать это от тебя, ибо это — речь не праздного и заискающего от случайностей, а многосторонне взвешивающего ума. Итак, даю тебе знак, который никогда тебе не обманет: каждый раз, когда, размышляя о смерти, ты останешься неподвижным, знай, что ты размышлял без пользы, как о любой другой вещи; но если во время самого размышления ты будешь целенеть, дрожать и бледнеть, если тебе будет казаться, что ты уже терпишь смертные муки; если, сверх того, тебе придет на мысль, что лишь только душа выйдет из этих членов, она должна тотчас предстать на вечный суд и дать точнейший отчет в своих поступках и словах за всю протекшую жизнь; наконец, что более нечего паделаться ли на телес-

чую красоту, ни на мирскую славу, ни на талант, ни на красноречие, ни на богатство или могущество, что судью нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни умиловить, что сама смерть — не копец страданий, а лишь переход к новым; если к тому же ты представишь себе тысячи разнообразных истязаний и пыток, и треск и гул превисподней, и серные реки, и крошечную тьму, и мстительных фурий, наконец, весь ужас темного Орка^а в целом и что превосходит все эти беды — бесконечную непрерывность мучений, и отсутствие всякой надежды на их прекращение, и сознание, что господь уже более не сжалится и гнев его пребудет во веки; если все это одновременно предстанет твоему взору не как выдумка, а как действительность, не как возможность, а как необходимость неминуемая и почти уже наступившая, и если ты будешь не мпмоходом, а усердно предаваться этим тревогам, и не с отчаянием, а с полной надеждою, что божья десница властна и готова исторгнуть тебя из всех этих бед, лишь бы ты обнаружил способность к исправлению, и если ты некрепко пожелаешь подняться и будешь стоек в своем желании, — тогда будь уверен, что ты размышлял не напрасно.

Франциск.

Благодарю тебя за столь жалостливое чувство; но чего еще я могу ждать от человеческой помощи?

Августин.

От человеческой — ничего, но от божественной — очень многого. Воздержным может быть лишь тот, кого бог сподобит; следовательно, от него надо домогаться этой милости, притом в особенности со смирением и часто со слезами. Он обыкновенно не отказывает в том, чего у него просят пристойно.

Франциск.

Я делаю это так часто, что почти боюсь стать ему в тягость.

Августин.

Но ты просил без достаточного смирения и без должной плумчности; ты всегда оставлял про запас местечко для будущих страстей, всегда предугадывал своим молитвам отдаленный срок. Говорю это на основании опыта, ибо так бывало и со мною; я говорил: дай мне целомудрие, но не сейчас; подожди немного, скоро наступит время; еще моя жизнь в претущем возрасте, пусть она идет своими путями, повлияется своим законом, ибо больше срама будет, если она перенется к этим юношеским влечениям; поэтому лучше я откажусь от этого, когда с годами сделаюсь менее способным на это и когда, пресытившись наслаждениями, я буду обеспечен против возврата похоти. Разве ты не понимаешь, что, говоря так, ты просишь одного, а желаешь другого?